

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 39(393)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313

EDN: KXHXUM

НАМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АДЫГОВ В XIV-XVI ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Тимур Русланович Загазежев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Россия,
КБР, г. Нальчик, Россия, zygezezh@mail.ru

Аннотация. Похоронно-поминальные обряды адыгов – один из основополагающих, структурообразующих элементов духовной культуры народа. Начиная с эпохи позднего средневековья и до настоящего времени погребальные практики адыгов под воздействием внешних и внутренних факторов трансформировались. В позднее средневековье, когда преобладающая часть адыгов придерживалась язычества, на всем историческом пространстве их проживания господствовал подкурганый обряд погребения усопших.

Курганы XIV–XVI вв. представлены грунтовыми, каменными либо смешанными насыпями высотой около метра, возводимые над погребенным в деревянной колоде, ориентированной обычно по линии З–В. Позднесредневековые адыгские курганы расположены на плоскости и в предгорьях.

Адыгские курганные могильники подразделяются на три локальные группы: Восточно-Причерноморская, Закубанская (Белореченская), Кабардино-Пятигорская. Каждая из этих групп имеет свою специфику.

Ареал адыгских позднесредневековых курганных могильников занимает территорию, простирающуюся от Северного Причерноморья на западе до границ современной равнинной Чечни на востоке; от реки Кума на севере до подножий Скалистого и Кавказского хребтов на юге (за исключением могильников, расположенных в горах Северо-Западного Кавказа, возле современных карачаевских селений Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук). Принадлежность курганов Северного Кавказа XIV–XVI вв. адыгам подтверждается данными археологии, нарративными источниками и фольклорными материалами.

Ключевые слова: адыги, позднее средневековье, погребальный обряд, намогильные памятники, курганы

Для цитирования: Загазежев Т.Р. Намогильные памятники адыгов в XIV-XVI вв.: общая характеристика и проблема культурно-этнической принадлежности // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 297-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313. –EDN: KXHXUM.

© Загазежев Т.Р., 2022

Original article

GRAVE MONUMENTS OF THE ADYGS IN THE 14TH – 16TH CENTURIES: GENERAL CHARACTERISTICS AND THE PROBLEM OF CULTURAL AND ETHNIC BELONGING

Timur R. Zagazezhev

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, zygezezh@mail.ru

Abstract. The funeral and memorial rites of the Adygs are one of the fundamental, structure-forming elements of the spiritual culture of the people. Starting from the late middle ages and up to the present time, the burial practices of the Adygs have been transformed under the effect of external and internal factors. In the late middle ages, when the predominant part of the Adygs adhered to paganism, under-barrow rite of the dead was dominated at the entire historical space of their residence.

Barrows of the XIV-XVI centuries are represented by earth, stone or mixed mounds about a meter high, erected above the buried in a wooden block, usually oriented along the line W - E. Late medieval Adyghe mounds are on the plane and in the foothills.

Adyghe mounds can be divided into three local groups: The Eastern Black Sea, Zakubansk (Belorechensk), Kabardino-Pyatigorsk. Each of these groups has its own specifics.

The late medieval barrow burial grounds by Adyghs occupies the area from the Northern Black Sea region in the west to the borders of modern plain Chechnya in the east; from the Kuma River in the north to the foothills of the Rocky and Caucasian Ranges in the south (except for burial grounds in the mountains of the North-Western Caucasus, near the modern Karachay villages of Kart-Dzhurt, Uchkulan and Khurzuk). The belonging of the the North Caucasian barrows of the 14th – 16th centuries to the Adygs is confirmed by archeological data, narrative sources and folklore materials.

Keywords: Adyg, the late Middle Ages, funeral rite, grave monuments, barrows

For citation: Zagazezhev T.R. Grave monuments of the adygs in the 14th – 16th centuries: general characteristics and the problem of cultural and ethnic belonging. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 297-313. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313. – EDN: KXHXUM.

© Zagazezhev T.R., 2022

На современном этапе исторического развития в условиях всеобщей глобализации для малых народов существенно возрастает риск утраты этнической идентичности. В этой связи представляется важным детальное исследование основополагающих структур материальной и духовной культуры народа, в частности, похоронно-поминальных обрядов и практик. Они являются одним из наиболее семантически насыщенных и информативных источников по изучению древнего и средневекового мировоззрения, в котором закодированы основные категории мышления и концептуальные сюжеты миропонимания носителей той или иной культуры. Изучение событий, связанных со смертью и проблемой возведения памятников позволяет приблизиться к объективному пониманию этнокультурных основ народа.

Некоторые аспекты исследуемой нами темы достаточно разработаны в отечественной историографии. В рамках дореволюционного периода огромное

значение имеют труды иностранных авторов, посещавших Северный Кавказ в разные исторические периоды и непосредственно наблюдавших за жизнью, нравами, бытом народов этого региона [АБКИЕА 1974]. В их работах так или иначе затрагивается тема похоронно-поминальных обрядов адыгов.

Необходимо подчеркнуть также значимость этнографических и художественных произведений первых адыгских этнографов Хан-Гирея [Хан-Гирей 2009], Шоры Ногмова [Ногмов 1994], Адиль-Гирея Кешева [Кешев 1988].

Для дореволюционных авторов проблема возведения надмогильных памятников адыгов не становилась предметом специального изучения; она (проблема) представлена ими как часть общего этнографического описания народа, без серьезной научной интерпретации. Однако в этот период происходит накопление объемного фактического материала о погребальном культе адыгов.

В советский период появляются обобщающие археологические исследования, посвященные изучению надмогильных сооружений адыгов. Это фундаментальные труды В.П. Левашовой [Левашова 1953], Е.П. Алексеевой [Алексеева 1992], Е.И. Крупнова [Крупнов 1957] и др.

На современном этапе развития отечественной этнологической науки в статьях, монографиях и диссертациях получают освещение отдельные аспекты похоронно-поминальной культуры адыгов, ранее не становившихся предметом специальных исследований. Из современных ученых, занимающихся данной проблематикой, отдельного внимания заслуживают М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова [Текуева, Нальчикова 2018; Текуева и др. 2019], В.А. Фоменко [Фоменко 2002], Ж.В. Кагазежев [Кагазежев 2011].

В процессе изучения надмогильных памятников адыгов первостепенное значение имеют археологические источники. Значительный вклад в изучение позднесредневековых курганов внесли Н.А. Шафиев, Е.П. Алексеева, Д.Я. Самоквасов, О.В. Милорадович, В.Р. Апухтин, А.П. Рунич, Б.М. Кереев, Т.М. Минаева, Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, В.Б. Антонович, Б.В. Лунин, А.В. Мачинский, А.П. Круглов, В.Л. Бернштам, В.П. Левашева, А.Х. Нагоев и др.

Важное место в изучении похоронно-поминальной культуры адыгов занимают нарративные материалы. Большую ценность представляют труды иностранных авторов, посещавших Северный Кавказ в разные исторические периоды. В них содержится значительный по объему и содержанию материал по истории и этнографии адыгов. В работах этих авторов нашли отражение различные аспекты исследуемой нами проблемы.

Значимую роль в изучении погребальных практик народа играют фольклорные источники. Источники фольклорного происхождения существенно дополняют и уточняют информацию, полученную на базе археологических материалов и письменных данных.

Объектом данного исследования является похоронно-поминальная культура адыгов, а предметом – особенности надмогильных сооружений адыгов в эпоху позднего средневековья (XIV – XVI вв.).

Цель работы заключается в комплексном изучении надмогильных курганных памятников Северного Кавказа эпохи позднего средневековья и разрешении проблемы их этнической принадлежности.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: изучить внешнюю форму и конструкцию намогильных сооружений; выявить отличительные черты Восточно-Причерноморской, Закубанской (Белореченской), Кабардино-Пятигорской групп могильников; определить географические рамки распространения позднесредневековых адыгских курганов.

Методология данной работы базируется на принципах историзма, целостности, объективности, системно-структурного анализа. В статье непосредственно были применены следующие методы: типологический (позволил классифицировать и сгруппировать по определенным признакам могильники), сравнительный (дал возможность сопоставить различные источники по исследуемой проблеме), метод непосредственного наблюдения, интервью, опрос и др.

Изучение типов намогильных памятников и особенностей их возведения важно для понимания в целом похоронно-поминальной культуры адыгов.

На похоронно-поминальные обряды и типы намогильных сооружений оказывали влияние многие факторы, главным из которых был религиозный. В эпоху позднего средневековья (XIV-XVI вв.), когда преобладающая часть адыгов придерживалось язычества, на всем историческом пространстве их проживания господствовал подкурганый обряд погребения усопших.

Ареал адыгских позднесредневековых курганных могильников значителен и занимает территорию, простирающуюся от Северного Причерноморья на западе до границ современной равнинной Чечни включительно на востоке. На юге граница проходит по подножию Кавказского и Скалистого хребтов (исключение составляют курганные могильники в высокогорьях, возле Хурзука, Карт-Джурта и Учкулана), а на севере – до реки Кумы.

В эпоху позднего средневековья адыги клали покойника в деревянную колоду и хоронили в неглубокой яме или прямо на материке, головой на запад в вытянутом положении, с оружием в мужских и украшениями в женских погребениях. Насыпался курган, и его обкладывали каменным панцирем и кромлехом. Колоды с крышками скреплялись обычно железными скобами (каб. – *бэнIунэ*). Нередки случаи и сооружения намогильных курганов из одних камней без грунта. Подобные каменные курганы гораздо чаще встречаются в Северном Причерноморье нежели на Центральном Кавказе. Курганные намогильные насыпи обычно имели высоту до 1 м. Однако встречаются и трехметровые, но это является большой редкостью в рассматриваемом временном промежутке.

Конструкция самой курганной насыпи имеет множество вариаций. Обычно курганы обкладываются кромлехом или же каменным панцирем. Встречаются курганы, возведенные из одного камня. Подобные курганы являются редкостью у кабардинцев. Также редкостью является возведение кургана без использования камней из чистого суглинка. На некоторых могильниках курганы обнесены ровиком. Формы каменных панцирей могут различаться. Встречаются курганы с чередующимися слоями земли и каменного панциря. Очень часто камни находятся в насыпи без всякого порядка. Гробы подразделяются на несколько видов. Их подробное описание оставил итальянский путешественник Дж. Интериано [Интериано 1974: 51-52]. По его

описанию, гробы представляли собой выдолбленные из цельного дерева колоды. Бытовали и ящики, изготовленные из шести грубо отесанных дубовых досок. Крышки гробов делались из цельной выпуклой доски в виде горбыля.

Наряду с курганным, на всей территории расселения адыгов в исследуемом временном промежутке существовал бескурганный грунтовый обряд погребения.

Позднесредневековые адыгские курганы представлены в трех локальных вариантах: Восточно-Причерноморская группа; Закубанская (Белореченская) группа; Кабардино-Пятигорская группа. Каждая из этих групп имеет свои отличительные черты.

Границы Восточно-Причерноморской группы проходят по линии реки Адагума. Для этой группы характерны погребения на материке в каменных гробницах под курганной насыпью, обложенной по основанию булыжником. Погребения большей частью одиночные, но, «встречаются иногда и коллективные, в одной гробнице до 3-4 костяков» [Шафиев 1968: 45]. Для Восточно-Причерноморской группы также характерны каменные курганы без грунта. Позже после полного перехода причерноморских адыгов к мусульманскому обряду захоронения (XVII–XVIII вв) коллективные погребения под одной насыпью продолжали существовать.

Эта информация об общих погребениях, полученная в результате археологических раскопок, находит подтверждение и в фольклоре кабардинцев, где также имеются сведения о бытовании в народе совместных захоронений. В качестве примера можно привести следующий материал. В трудное для кабардинцев время, когда они находились в состоянии войны с крымскими войсками, на помощь им (кабардинцам) явилась группа закубанских адыгов в количестве шестидесяти воинов, которых направил сюда Озырмес Туз (каб. - Уэзырмес Туз). Закубанцев возглавили Уатириж Хакяша (каб. – Уэтэрыжь Хьэклэшэ) и Мазиша Зет (каб. – Мэзышэ Зет). Этот отряд прошел через урочище «птичья балка» (каб. – бзуукьуэ) близ сел. Аушигер и вышел на поле битвы, а кабардинское войско атаковало крымцев с левого берега р. Черек; в этом бою адыги разгромили татар. Известно, что из отряда закубанских адыгов погибло четверо: Назроко Мулид, Алидж Наурбий, Нартыж Мухаб и Гятеж Нурий (каб. – Назрокьуэ Мулид, Алыдж Наурбий, Нартыжь Мухьэб, Джатэжь Нурий). Над этими воинами возвели один общий курган неподалеку от места битвы, по указанию Уазырмеса Туза [Загазежев 2011: 51]. Но в настоящее время у кабардинцев даже парные захоронения являются большой редкостью.

Могильники Закубанской группы, занимая большую территорию от нижнего и среднего течения Кубани на севере до Кавказских гор на юге, от реки Адагума на западе до реки Урупа на востоке, представлены в основном курганами так называемого Белореченского типа. Их особенностью является то, что захоронения осуществлялись под курганом в деревянных склепах или в грунтовой четырехугольной яме, иногда ступенчатой... Под головой, а иногда под локтями костяков находились серебряные блюдца или чашки [Шафиев 1968: 45].

Этот способ погребения характерен для могил, открытых у ст. Елизаветинской [Антонович 1882: 218]. Эти традиции не оставляют никакого сомнения в том, что население золотоордынской эпохи на Кубани являлось потомками древнего меотского населения [Смирнов 1948: 89]. Пережитки этого обычая наблюдаются в Кабарде и в Пятигорье [Шафиев 1968: 45-46]. Часть белореченских курганов как по устройству гробниц, так и по инвентарю, богаче кабардинских. Данный факт можно объяснить наличием более развитых экономических центров и торговых отношений у западных адыгов [Кагазежев 2015: 193].

Курганные могильники Кабардино-Пятигорского типа XV-XVI вв. объединяют следующие признаки: 1) они представлены скоплениями нескольких десятков курганных насыпей; 2) курганы, как правило, небольшие, с насыпью полушаровидной формы. Для них характерно однообразие погребальных сооружений, обряда и инвентаря на всей территории распространения [Алексеева 1979: 145].

Кроме вышеперечисленных, можно выделить также отдельные группы курганов и даже целые могильники с локальными чертами. К примеру, самые восточные кабардинские курганные могильники, расположенные на территории современных Ингушетии и Чечни, в силу присущих им особенностей, можно, на наш взгляд, выделить в подгруппу единой кабардино-пятигорской группы. Р.А. Даутова, исследуя эти кабардинские курганы пишет, что применение статистико-комбинаторных методов при анализе 50 исследованных курганов позволяет выделить наиболее характерные для данной территории признаки: преобладание небольших земляных насыпей диаметром до 10 м. и высотой до 0,8 м.; захоронения в деревянных гробах, реже в колодах (при наличии могил с деревянной обкладкой и просто грунтовых ям); индивидуальность захоронения; почти полное отсутствие (за исключением впускных погребений в Кантышевского могильника) угольной или известняковой подсыпки; вытянутость костяков; преобладание западной ориентировки; нет детских захоронений, и только в четырех случаях предполагаются погребения женщин. Инвентарь немногочислен и почти одинаков по составу: железные ножи, поясные пряжки, наконечники стрел, реже – сабля, мало украшений и предметов быта. В 30 % погребений инвентарь отсутствует [Даутова 1982: 34].

С.Д. Шаова в одной из своих работ [Шаова 2002: 76] высказала предположение, что малое количество адыгских могильников на территории современных Чечни и Ингушетии объясняется слабым заселением адыгами этих земель. На наш взгляд, незначительность числа адыгских курганов на обозначенной территории является следствием того, что их сложно обнаружить ввиду отсутствия каких-либо внешних признаков. Справедливо замечание Н.А. Шафиева о том, что грунтовые позднесредневековые кабардинские погребения являются находками случайными, ввиду того что не имеют никаких внешних признаков. Это усложняет и препятствует их изучению и исследованию [Шафиев 1968: 32].

Еще одной важной причиной низкой плотности расположения могильников является их физическое уничтожение спустившимися с гор на плоскость вайнахами. В процессе массовой колонизации вайнахами-ингушами плоскостных земель побережья Сунжи и ее притоков такие (кабардинские – Т.З.) кладбища были стерты с лица земли отчасти по причине конфессиональных различий и противоречий (ингуши позднее всех своих соседей – в XIX в. – приняли ислам), но, скорее всего, это был символ утверждения полного господства нового состава населения на месте прежнего кабардинского обитания [Шафиев 1968: 48].

Так, свидетельства старожилов, недавно собранные и проанализированные С.Б. Бурковым, показали, что окончательная ликвидация кабардинских кладбищ в широкой округе селения Пседах произошла «после 1957 г.», т.е. после возвращения вайнахов из мест сталинской депортации в 1944 г. [Шаова 2002: 97].

Исходя из этих данных, а также ввиду отсутствия на сегодняшний день достаточного археологического материала на восточных рубежах ареала позднесредневековых адыгских курганных могильников, мы не можем разделять мнение С.Д. Шаовой [Шаова 2002: 76] о якобы «незавершенном, неполном, заселении» этого региона предками современных кабардинцев. Напротив, мы считаем, что в этих местах адыги прожили значительное время, что даже возникла некая специфика в похоронно-погребальной культуре и в возведении курганных насыпей. Эта особенность может быть понята на материалах раскопок самого восточного официально зарегистрированного кабардинского позднесредневекового курганного могильника, расположенного на берегу р. Фортанги между нынешними селениями Бамут и Ачхой-Мартан в Чечне. Раскопки этого могильника проводились известными учеными Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым [Крупнов, Мунчаев 1963]. Наше внимание привлекают несколько факторов: во-первых, присутствие глиняных кувшинов в некоторых погребениях, что не характерно для Кабардино-Пятигорской группы курганных погребений; во-вторых, сама форма насыпи: в отличие от насыпей, расположенных в западных районах, они более «оплывшие», при незначительной высоте имеют относительно большой диаметр в основании; в-третьих, отсутствие угля в ямах, что также не характерно для основной массы могильников; в-четвертых, для данного кургана характерна более глубокая могила по сравнению с остальными курганами из Кабардино-Пятигорской группы.

В целом, еще четко не определены границы между Кабардино-Пятигорской, Закубанской и Восточно-Причерноморской группами могильников. Е.П. Алексеева пишет: «Где проходила граница между Закубанской и Кабардино-Пятигорской группами археологических памятников, в настоящее время еще не ясно, так как район между Лабой и Урупом археологами исследован очень мало, но ориентировочно пока берут реку Уруп» [Алексеева 1960: 2]. По мнению Н.А. Шафиева, следует провести «ориентировочную границу не по Урупу, а по реке Лабе, отодвигая Кабардино-Пятигорскую группу значительно западнее до реки Лабы» [Шафиев 1968: 46].

Курганы Кабардино-Пятигорской группы имеют золотые, серебряные, бронзовые, деревянные, стеклянные и глиняные сосуды. Белореченские курганы, как по устройству гробниц, так и по инвентарю, намного богаче кабардинских. В кабардинских курганах практически нет привозных вещей; в белореченских – привозные стеклянные сосуды, поясные бляшки из Киликии, ткани и другое. Найдены поясные наборы, много золотых и серебряных изделий, остатки богатой одежды.

О.В. Милорадович справедливо отмечает, что таким богатством отличаются курганы лишь близ самой ст. Белореченской; курганы же белореченского типа, рассеянные по Кубанскому краю, близ станиц Кужорской, Ярославской, Костромской, Губской, Андрюковской и других, значительно беднее и отличаются от кабардинских часто только наличием в них сосудов [Милорадович 1954: 343].

Интересной особенностью позднесредневековых адыгских погребений является то, что колода с костяком расположена неглубоко, иногда даже на материке, и, помимо основного кромлеха, обкладывается камнями. По преданиям, записанным от Тахушевой Бабины Озировны, раньше бывало, что покойнику не копали могилу, а хоронили прямо на материке, обкладывали камнями и ими же покрывали. После этого над ним возводился курган [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. За. Исп. Тахушева Бабина Озировна: г.р. 1889, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1972 г. Х. Шогенова].

Кабардино-Пятигорская и Закубанская группы являются более однородными, схожими, с более устоявшимися обрядами, в отличие от Восточно-Причерноморской.

В Северном Причерноморье подкурганый обряд погребения возник раньше и бытовал дольше, чем в остальной части исторического проживания адыгов. Большая вариация внутри этой группы можно объяснить тем, что в этом регионе в связи с относительно длительным бытованием он (обряд) подвергался естественному трансформационному процессу, на который влияли как внутренние, так и внешние факторы. У причерноморских адыгов-шапсугов преемственность погребальных обрядов с эпохи позднего средневековья по настоящее время прослеживается по археологическому и этнографическому материалу ярче. В других регионах исторического проживания адыгов наблюдается относительно более резкая смена старинного курганного погребального обряда мусульманским. У шапсугов древние и современные могилы обычно обложены большими камнями, называемыми сэи [Меретуков 1990: 98].

Принадлежность позднесредневековых курганных некрополей Северного Кавказа адыгам и границы их распространения подтверждаются также нарративными и фольклорными источниками.

Данные археологии соответствуют описаниям черкесских курганов XVI в. оставленных Джорджио Интериано. [Интериано 1974: 51-52]. О бытовании у адыгов обычая сооружения курганов над своими усопшими говорит и Джованни Да Лукка [Лукка 1974: 72].

Интересны лингвистические данные: так, осетины именуют позднесредневековые курганы кабардинскими (осет. – кашкон уалмарта). Ингуши и чеченцы так же называют их кабардинскими (черкесскими) могильными холмами (инг., чечен. – чергси каш боардз) [Виноградов 1980: 34]. Г.А. Кокиев пишет: «Значительное количество курганов и древних кладбищ, разбросанных на территории плоскостной Осетии, население приписывает кабардинцам. Древнее кладбище между селением Дигора и казачьей станицей Николаевской, на левом берегу р. Белой, осетины называют кабардинским» [Кокиев 1947: 34].

Сами же кабардинцы причисляют их себе и называют сито-кладбищами. (каб. – кхъузанэкхъэ; Iуащхъэбын; Iуащхъэзэрыбын). Примечательно, что причерноморские шапсуги называют курганные могильники старыми кладбищами (шапс. – кхъэжь), а некоторые из старожилов даже могут определить фамильную принадлежность некоторых могильников.

Предания об обычае сооружения курганов дошли до наших дней и записаны от старожилов. Так, один из информаторов Шогенов Эльмурза, приблизительно 1882 г.р., рассказал, что в сооружении кургана обычно принимали участие много людей. Ради них забивали скот. Этот обряд назывался «насыпание над могилой» (каб. – кхъэгъэсей), а забивание скота и принятие его в пищу - «едой для насыпающих курган» (каб. – кхъэсей хъэдэIус). Слово «кхъэсей» издревле бытует у адыгов как проклятие. Проклиная скот, говорили, чтобы он стал едой для возводящих курган (каб. – кхъэсейуэ яшхын) [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3, пасп. №38. Исп. Шогенов Эльмурза: г.р. 1882, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1971 г. Х. Шогенова].

То же самое записано от Тахушевой Бабины Озировны 1882 г.р.: «После смерти усопшему возводился курган. Потому-то и говорят адыги, проклиная скот: «Чтобы съели тебя насыпающие курган» (каб. – кхъэсей хъун). [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3а. Исп. Тахушева Бабина Озировна: г.р. 1889, с. Н. Акбаш КБР. Зап. 1972 г. Х. Шогенова].

Согласно еще одному фольклорному источнику, бывало и так, что сам курган насыпался не в день похорон. Со слов Маирова Лиха Кануковича, 1894 г.р., записано: «В старину было в обычае у адыгов насыпать холм над могилами. День, намеченный для возведения кургана, заранее сообщали всем близким и родственникам, а те, в свою очередь, все стекались на арбах, запряженных волами. Прибывшие до самой ночи вывозили камни с долины реки и возводили над могилой курган» [Архив КБИГИ. Ф-12, оп. 1, ед. хр. 3а, пасп. №15. Исп. Маиров Лих Канукович: 1894 г.р., с. Ст. Черек КБР. Зап. 1972 г. А. Гутова].

Эта запись интересна еще и тем, что помимо указания на выделенный для работы день после похорон, также конкретно обозначается время, выделяемое для этого – «до ночи». То есть для возведения кургана над могилой выделяется один световой день, в связи с чем к работам готовятся заранее. Более ранние курганы эпохи бронзы, по данным исследований археологов, насыпались поэтапно и не один год. По мнению известного археолога Н.Г. Ловпаче, делалось это ежегодно в день тризны. На это были причины: строительство подобных

погребальных курганов требовало огромных физических и материальных затрат. Подсчитано, что для сооружения древнего кургана диаметром 110 м и высотой 3,5 м требовалось 40 тыс. человеко-дней (например, работы 500 человек в течение 80 дней) [Адыгская (черкесская)... 2006: 63]. Но такие курганы несоизмеримы по масштабам с позднесредневековыми курганами. И в данном случае, на наш взгляд, мы имеем дело с давним обычаем, который регламентировал определенный срок, в который нужно было уложиться.

Аналогичные примеры жесткой временной регламентации проведения определенных работ есть не только в погребальной обрядности: например, считалось желательным, чтобы дом (турлучный) строился в течение одного дня. Адыги говорили: не буду жить в доме, который не в силах построить в течение одного дня (каб. – зы махуэм схуэмышцЫн унэ сыщІэсынкъым). Как известно дома строились по обычаю общественной взаимопомощи (каб. - щІыхъэху), и чем больше было помощников, то есть рабочей силы, тем лучший дом можно было построить. Здесь это можно интерпретировать как принцип «чего достоин, то и получил». То есть это своего рода показатель общественного уважения и положения человека.

Показательны слова Шогенова Эльмурзы: «Курганы сооружались своими силами: кто мог, тот сооружал высокие курганы, кто был не в состоянии этого сделать – тот сооружал курганы меньших размеров» [Архив КБИГИ. Ф.12. Папка 3, паспорт № 38. «Кхъэсей». Запись 1971 г. с. Н. Акбаш. Исп. Шогенов Эльмурза. 83 года. Перевод с адыгского Табишева М.А.]. Это, естественно, не распространялось на феодальную верхушку, которая признавала для себя неприемлемым заниматься «черной» работой (возможно, этим и объясняется то, что, по указаниям Дж. Интериано, во время похорон знатного человека сразу насыпался курган).

У феодальной верхушки, как отмечал Дж. Интериано, «чем более у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпался тот холм» [Интериано 1974: 52].

Интересно отметить, что и у соседних народов бытовало ограничение времени возведения курганов. Так, у казачьего населения станицы Змейской изготовление гроба нужно было осуществить в один прием. У вайнахов на изготовление родовой башенной постройки отводился ровно год. В случае, если стройка оставалась незавершенной по истечении этого времени, незавершившейся стройки, это строительство оставляли как несчастливое и закладывали основание в другом месте [Семенов 1928: С. 32].

Позднесредневековые адыгские курганы расположены на равнине и в предгорьях. Исключение составляют могильники, расположенные в горах современной Карачаево-Черкесии возле Хурзука, Карт-Джурта и Учкулана, и являющиеся, согласно описаниям дореволюционных авторов, адыгскими. В XIV сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), изданном в 1892 г. читаем: «...долина Кубани значительно расширяется и на ее плоских берегах встречаются каменные курганы, которые увеличиваются в числе по направлению к Хурзуку. В иных местах курганы расположены сплошной массой на протяжении версты и более. Кто оставил

эти курганы? Карачаевцы не считают их своими, сванеты тоже от них открещиваются» [СМОМПК, выпуск XIV, Тифлис, 1892 г. С. 88.]. Так же в IX выпуске «Материалов по археологии Кавказа», изданном в Москве в 1904 г., имеется интересный материал относительно этих курганов: «По левую сторону Улу-Кама против Хурзука и ниже по направлению к Учкулану находится несколько небольших курганов, покрытых камнями, и огромные по протяжению кучи наваленных в беспорядке камней. Карачаевцы говорили, что это не их могилы... Здесь я произвел раскопку в двух местах. В первом случае на глубине 1 арш., под слоем камней и тонким слоем земли, нашли костяк в деревянном истлевшем гробу, состоявшем из двух колод. Костяк лежал на спине головой на запад, лицо повернуто к югу. Около костяка справа находился большой железный нож. Во втором случае, на глубине 1 арш., под камнями же найдены следы костей и рассеяно 3 железные скобки, железный нож, железное огниво и маленькое железное колечко. Таким образом, могилы Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука можно причислить к так называемым черкесским могилам» [Сысоев 1904: 157-158].

Ввиду того, что в позднем средневековье у населения, проживавшего в этих горах, бытовал иной, полностью отличный от адыгов, обряд погребения, а также, опираясь на вышеприведенный материал, можно утверждать, что эти курганы являются адыгскими. Это единственный известный нам случай расположения в высокогорных районах адыгских некрополей. Учитывая малочисленность их в данном районе, можно предположить, что адыгское население находилось в данной местности относительно непродолжительный период. Кратковременное пребывание можно объяснить использованием труднодоступных мест в качестве укрытия во время междоусобных либо внешних войн.

Археологические карты позднесредневековых адыгских курганных могильников, составленные и опубликованные в книгах А.Х. Нагоева [Нагоев 2000], В.А. Фоменко [Фоменко 2002] и М.К. Тешева [Тешев 1985] являются, к сожалению, далеко не полными. Так, например, возле одного только сел. Аушигер Черекского р-на КБР обнаружены и зафиксированы два довольно значимых некрополя, в одном из которых насчитывается свыше 90 намогильных курганов. Также определено еще одно месторасположение полностью разрушенного некрополя [Из личного фондохранилища автора. Год записи 2018. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Курашев Сафраил Казиевич 1933 г.р.; Год записи 2009. Место записи с. Аушигер Черекского района КБР. Информатор Бербеков Биуан Чамилович 1938 г.р.].

У адыгов в исследуемый период существовал также бескурганный обряд погребения. Этот способ погребения отличается лишь отсутствием курганной насыпи. Из-за невозможности обнаружения, по причине отсутствия каких-либо внешних признаков, находки и раскопки подобных бескурганных погребений носят случайный характер. Поэтому замедляется их изучение, являющееся одним из важнейших факторов восстановления в науке наиболее полной научной картины древностей адыгов в период позднего средневековья.

Относительно низкий процент женских погребений объясняется тем, что их общественное положение было ниже, чем у мужчин, и их хоронили в простых грунтовых могилах без возведения курганов. Безусловно, необходимо учитывать и локальные вариации по всему ареалу подобных могильников, а также время, под воздействием которого могли меняться нюансы.

С проникновением и распространением ислама адыги с курганного обряда погребения постепенно переходят на мусульманский. На равнинах Центрального и Северо-Западного Кавказа наблюдается относительно более резкий переход, чем в Северном Причерноморье. Смена религии и, следовательно, погребального обряда никогда не могла быть однозначным актом. Это был длительный процесс наслаивания новых мировоззренческих структур на старые. В отдельных случаях старые верования адаптируются к новой религии. Исходя из этого, смена погребального обряда не может быть точно соотнесена со сменой религии. К примеру, А.М. Шегрен относительно осетин и чеченцев писал, что и после принятия ими христианства их погребальный обряд продолжительное время остается языческим [Шегрен 1846: 69]. То же самое справедливо и по отношению к адыгам. Множество народных устоявшихся обычаев, противоречащих догмам ислама, адыги смогли адаптировать и вплести в религию. Многие элементы похоронно-погребальной и поминальной культуры в массовом сознании воспринимаются как неотъемлемая часть исламской религии, хотя не имеют к ней никакого отношения. Как писал Карл Кох, у адыгов «набеги на чужую землю стали религиозным убеждением» [Кох 1974: 615]. У шапсугов даже после перехода к мусульманскому обряду еще долгое время продолжали насыпаться курганы. Некоторые раннемусульманские погребения в Чечне и Дагестане, а в частности в ущелье р. Чанты-Аргуна, удивительным образом сочетают в себе элементы ислама и языческих пережитков.

Мнение о якобы двойной смене религии адыгами (переход от язычества к христианству и от христианства к исламу), не подтверждается археологическим материалом. Есть незначительные вкрапления христианства, но они слишком малы, чтобы говорить о масштабной христианизации, по крайней мере, в ареале могильников Кабардино-Пятигорской курганной группы. Наблюдается прямой переход от язычества к исламу. Примечательно, что даже хоронить в выдолбленных из дерева колодах, как это делалось у адыгов, запрещалось церковью времен средневековья [Шафиев 1968: 127].

В результате данного исследования мы пришли к следующим выводам.

Сооружение надмогильных памятников является одним из значимых структурообразующих элементов похоронно-погребальной культуры адыгов. Способы их возведения были разными в зависимости от исторической эпохи, религиозных верований и образа жизни народа. В эпоху позднего средневековья (XIV-XVI вв.), когда господствующей религией адыгов было язычество, на всем историческом пространстве их проживания существовал подкурганный обряд погребения. Суть данного обряда заключалась в том, что покойного хоронили в деревянной колоде прямо на материке либо в неглубокой яме (исключение

составляют самые восточные курганные некрополи) и сооружали над ним курганную насыпь. Сопутствующий инвентарь был небогатым.

Позднесредневековые адыгские курганы по внешним признакам и способу возведения едины в своей основе, но имеются некоторые локальные особенности, на основании которых их условно можно разделить на три группы: Восточно-Причерноморская; Закубанская (Белореченская); Кабардино-Пятигорская. Кроме того, есть могильники, обнаруженные на территории современных Чечни и Ингушетии и обладающие своей спецификой. Это позволяет выделить их в отдельную подгруппу Кабардино-Пятигорской группы.

Устоявшееся в отечественной историографии мнение о якобы имевшем место полномасштабном принятии христианства адыгами не подтверждается археологическими материалами. Иначе христианизация обязательно отразилась бы на погребальном обряде. В данном случае мы наблюдаем прямой переход от язычества к исламу.

Изучение и сравнительный анализ археологических материалов, нарративных и фольклорных источников позволяет делать вывод о принадлежности позднесредневековых некрополей Северного Кавказа адыгам. Вся информация, полученная о курганах с помощью данных археологии (внешняя форма, способы сооружения, территория распространения), подтверждается и дополняется сочинениями, оставленными иностранными авторами, а также фольклорными материалами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Адыгская (Черкесская)... 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия. – Отв. ред. В.Х. Кажаров. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1248 с.

Алексеева 1960 – *Алексеева Е.П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1960. – 24 с.

Алексеева 1979 – *Алексеева Е.П.* Кабардинские и западно-черкесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории народов Северного Кавказа. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1979. – С. 145-150.

Алексеева 1992 – *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1992. – 216 с.

Антонович 1882 – *Антонович Б.В.* Дневник раскопок, веденных на Кавказе в 1879 г. // Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – М.: Наука, 1882. – С. 216-254.

Архив КБИГИ – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Виноградов 1980 – *Виноградов В.Б.* Время, горы, люди. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. – 168 с.

Даутова 1982 – *Даутова Р.А.* Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии. // XII Крупновские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 34-36.

Загазежев 2011 – *Загазежев Т.Р.* Историко-археологические памятники в селении Аушигер и его ближайших окрестностях // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР КБНЦ РАН. – Вып. 18. – 2011. – С. 49-60.

Интерьяно 1974 – *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43-52.

Кагазежев 2015 – *Кагазежев Ж.В.* Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV – XVII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 464 с.

Кагазежев 2011 – *Кагазежев Ж.В.* Кабардинские курганные захоронения на территории среднего и нижнего Притеречья // Вестник Владикавказского научного центра. – Т. 11. – № 4. – 2011. – С. 29–32.

Кешев 1988 – *Кешев А.-Г.* Записки черкеса / Вступ. ст. и подг. к печати Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 272 с.

Кокиев 1947 – *Кокиев Г.А.* Малокабардинские поселения в XVI–XVII вв. на Северном Кавказе // УЗ КНИИ. – Т. II. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1947. – С. 24-37.

Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Наука, 1957. – 175 с.

Крупнов, Мунчаев 1963 – *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.А.* Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. – М.: Наука, 1963. – С. 217-242.

Левашова 1953 – *Левашова В.П.* Белореченские курганы / Труды Государственного исторического музея. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. – Вып. 22. – С. 170-175.

Из личного фоноархива автора – *Личный фоноархив автора.*

Лукка 1974 – *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Лукка, монаха Доминиканского Ордена // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 68-72.

Меретуков 1990 – *Меретуков К.Х.* Адыгейский топонимический словарь. – М.: Прометей, 1990. – 335 с.

Милорадович 1954 – *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV – XVI вв. // Советская археология. – Том XX. – М.: АН СССР, 1954. – С. 343–356.

Нагоев 2000 – *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – 227 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Семенов 1928 – *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1927 гг. – Владикавказ: Государственная типография Автономной Области Ингушетии, 1928. – 32 с.

Смирнов 1948 – *Смирнов А.П.* К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // УЗ КНИИ. – Т. IV. – Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1948. – С. 84-90.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – Вып. XIV. – Тифлис: Типография канцелярия Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе, 1892. – С. 59-212.

Сысоев 1904 – *Сысоев В.М.* Древности по верхнему течению р. Кубани // Материалы по археологии Кавказа. – М.: Типография А. И. Мамонтова и К. - 1904. – С. 157-158.

Текуева и др. 2019 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Этнография кладбищ Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151> .

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 3. – С. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>.

Тешев 1985 – *Тешев М.К.* Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Кавказа // Археология Адыгеи. – Майкоп: Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, 1985. – С. 142-165.

Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. – Пятигорск: Технологический университет, 2002. – 76 с.

Хан-Гирей 2009 – *Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с.

Шаова 2002 – *Шаова С.Д.* История кабардинцев бассейна р. Сунжи и их взаимоотношения с вайнахами XVI – середине XVIII в.: – Армавир: Армавирская типография, 2002. – 172 с.

Шафиев 1968 – *Шафиев Н.А.* История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 172 с.

Шегрен 1846 – *Шегрен А.М.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. // Кавказ. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказа, 1846. – № 27. – С. 66-72.

REFERENCES

Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the XIIIth – XIXth Centuries] / Edited by V.K. Gardanov. – Nalchik: El'brus, 1974. – 635 p. (in Russ.).

Adygskaja (Cherkesskaja)... 2006 – Adygskaja (Cherkesskaja) jenciklopedija [Adyghe (Circassian) Encyclopedia] – Otv. Red. Kazharov V.H. – M.: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1248 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *O chem rasskazyvajut arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkessii* [What do the archaeological sites of Karachay-Cherkessia tell about]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii institut gumanitarnykh issledovanii, 1960. – 24 p. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Kabardinskie i zapadno-cherkesskie kurgany Karachaevo-Cherkessii kak istochnik po izucheniju jetniceskoj istorii adygov* [Kabardian and Western Circassian mounds of Karachay-Cherkessia as a source for the study of the ethnic history of the Adygs]. IN: *Arheologija i voprosy jetniceskoj istorii narodov Severnogo Kavkaza.* – Groznyj: Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj universitet im. L.N. Tolstogo, 1979. – P. 145-150. (in Russ.).

ALEKSEEVA E.P. *Arheologicheskie pamjatniki Karachaevo-Cherkessii* [Archaeological monuments of Karachay-Cherkessia]. – M.: Nauka, 1992. – 216 p. (in Russ.).

ANTONOVICH B.V. *Dnevnik raskopok vedennyh na Kavkaze v 1879g.* [Diary of excavations conducted in the Caucasus in 1879]. IN: *Arheologicheskij sezd v Tiflise. Protokoly podgotovitel'nogo komiteta.* – M.: Nauka, 1882. – P. 216-254. (in Russ.).

Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanij [Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. (in Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Vremja, gory, ljudi* [Time, mountains, people]. – Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – 168 с. (in Russ.).

DAUTOVA R.A. *Kabardinskie kurgany na territorii Checheno-Ingushetii* [Kabardian burial mounds on the territory of Checheno-Ingushetia]. IN: *XII Krupnovskie chtenija. Gelendzhik.* – M.: Nauka, 1982. – P. 34-36. (in Russ.).

ZAGAZEZHEV T.R. *Istoriko-arheologicheskie pamjatniki v selenii Aushiger i ego blizhajshih okrestnostjah* [Historical and archaeological sites in the village of Aushiger and its immediate environ] IN: *Vestnik instituta gumanitarnykh issledovanij Pravitel'stva KBR KBNC RAN.* – № 18. – 2011. – P. 49-60.

INTERIANO Dzh. *Byt i strana zihov, imenuemyh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [Life and country of Zikhs, called Circassians. Remarkable Narrative] IN: *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskikh avtorov XIII – XIX vv.* / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 43-52. (in Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Iz etnicheskoj i politicheskoj istorii srednevekovoj Cherkessii (XIV – XVII vv.)* [From the ethnic and political history of medieval Circassia (XIV–XVII centuries)]. – Nal'chik: Jel'brus, 2015. – 464 p. (in Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Kabardinskie kurgannye zakhoroneniya na territorii srednego i nizhnego Priterech'ya* [Kabardian burial mounds on the territory of the middle and lower Terek] IN: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. – T. 11. – № 4. – 2011. – P. 29-32.

KESHEV A.-G. *Zapiski cherkesa* [Notes of a Circassian] / Edited by R.H. Hashhozhevoj. – Nal'chik: Jel'brus, 1987. – 272 p. (in Russ.).

KOKIEV G.A. *Malokabardinskie poselenija v XVI – XVII vv. na Severnom Kavkaze* [Little Kabardian settlements in the 16th - 17th centuries. in the North Caucasus] IN: UZ KNII. – T. II. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947. – P. 24-37. (in Russ.).

KOH K. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Journey through Russia and the Caucasian lands] IN: Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII – XIX vv. / Edited by V.K. Gardanova. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 585-628. (in Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. M.: Nauka, 1957. – 175 p. (in Russ.).

KRUPNOV E.I., MUNCHAEV R.A. *Bamutskij kurgannyj mogil'nik XIV-XVI vv.* [Bamut burial mound XIV-XVI centuries] IN: Drevnosti Checheno-Ingushetii. – M.: Nauka, 1963. – P. 217-242. (in Russ.).

LEVASHOVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorrechensky burial mounds] IN: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noj literatury, 1953. – Vyp. 22. – P. 170-175. (in Russ.).

Lichnyj fonoarhiv avtora [Personal phono archive of the author]. (in Russ.).

LUKKA Dzh. *Opisanie perekopskih i nogajskih tatar, cherkesov, mingrel'ov i gruzin, Zhana de Ljukka, monaha Dominikanskogo Ordena* [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians, by Jean de Lucca, a monk of the Dominican Order] IN: Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. / Edited by V.K. Gardanov. – Nal'chik: Jel'brus, 1974. – P. 68-72. (in Russ.).

MERETUKOV K.H. *Adygejskij toponimicheskij slovar'* [Adyge Toponymic Dictionary]. – M.: Prometei, 1990. – 335 p. (in Russ.).

MILORADOVICH O.V. *Kabardinskie kurgany XIV – XVI vv.* [Kabardian burial mounds of the 14th – 16th centuries] IN: Sovetskaja arheologija. – M.: AN SSSR, 1954. – P. 343-356. (in Russ.).

NAGOEV A.H. *Srednevekovaja Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nal'chik: Jel'-Fa, 2000. – 227 p. (in Russ.).

NOGMOV Sh. *Istorija adyhejskogo naroda* [History of the Adykhean people]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 232 p. (in Russ.).

SEMENOV L.P. *Arheologicheskie i jetnograficheskie razyskanija v Ingushetii v 1925-1927gg.* [Archaeological and ethnographic research in Ingushetia in 1925-1927]. – Vladikavkaz: Gosudarstvennaja tipografija Avtonomnoj Oblasti Ingushii, 1928. – 32 p. (in Russ.).

SMIRNOV A.P. *K voprosu o formirovanii kabardinskogo naroda po arheologicheskim dannym* [On the question of the formation of the Kabardian people according to archaeological data] IN: UZ KNII. – T. IV. – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1948. – P. 84-90. (in Russ.).

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. – № XIV. – Tiflis: Tipografija kanceljarija Glavnonachal'stvujushhego grazhdanskoju chast'ju na Kavkaze, 1892. – P. 52 – 212. (in Russ.).

SYSOEV V.M. *Drevnosti po verhnemu techeniju r.Kubani* [Antiquities along the upper reaches of the Kuban River] IN: *Materialy po arheologii Kavkaza* [Materials on the archeology of the Caucasus]. – M.: Tipografija A.I. Mamontova i K., 1904. – P. 157-158. (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A., GUGOVA M.H. *Jetnografija kladbishh Central'nogo Kavkaza* [Ethnography of the cemeteries of the Central Caucasus]. IN: Jelektronnyj zhurnal

nal «Kavkazologija». – 2019. – № 2. – P. 127-151. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-127-151> (in Russ.).

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamjatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza* [Tombstone memorial signs among the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: *Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija»*. – 2018. – №3. – P. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>. (in Russ.).

TESHEV M.K. *Adygskie pogrebal'nye sooruzheniya v razvitom i pozdnem srednevekov'e v Tuapsinskom raione na Chernomorskom poberezh'e Kavkaza* [Adyghe burial structures in the developed and late Middle Ages in the Tuapse region on the Black Sea coast of the Caucasus] IN: *Arkheologiya Adygei*. – Maikop: Adygo-blpoligrafobedinenie upravlenija izdatel'stv, poligrafii i knizhnoj trgovli Krasnodarskogo krajispolkoma, 1985. – P. 142-165. (in Russ.).

FOMENKO V.A. *Pjatigor'e v XV – seredine XVIII v.* [Pyatigorye in the XV - the middle of the XVIII century]. – Pjatigorsk: Tekhnologicheskii universitet, 2002. – 76 p. (in Russ.).

HAN-GIREJ. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents] – Majkop: OAO «Poligraf-Jug», 2009. – 672 p. (in Russ.).

SHAOVA S.D. *Istorija kabardincev bassejna r. Sunzhi i ih vzaimootnoshenija s vajnahami XVI – seredine XVIII v.* [The history of the Kabardians of the river basin. Sunzhi and their relationship with the Vainakhs of the 16th – mid-18th centuries] – Armavir: Armavirskaja tipografija, 2002. – 172 p. (in Russ.).

SHAFIEV N.A. *Istorija i kul'tura kabardincev v period pozdnego srednevekov'ja (XIV – XVI vv.)* [History and culture of Kabardians in the period of the late Middle Ages (XIV - XVI centuries)]. – Nal'chik: Jel'brus, 1968. – 172 p. (in Russ.).

SHEGREN A.M. *Religioznye obrjady osetin, ingushej i ih soplemennikov pri raznyh sluchajah* [Religious ceremonies of Ossetians, Ingush and their tribesmen on different occasions]. IN: *Kavkaz*. – Tiflis: Tipografija Kanceljarii Namestnika Kavkaza, 1846. – № 27-30. – P. 66-72. (in Russ.).

Информация об авторе:

Т.Р. Загазежев – младший научный сотрудник.

Information about the author:

T.R. Zagazezhev – a junior researcher.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022 г.; одобрена после рецензирования 24.11.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 05.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.